

A.V. Travnikov

ISSUES OF MINORS' INVOLVEMENT IN EXTREMIST CRIMES AND THEIR CRIMINAL LAW QUALIFICATION

Alexander Travnikov – Head of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, lieutenant-general of the Police, St. Petersburg; **e-mail: travnikov1973@gmail.com.**

Criminal law regulation of criminal extremism is traditionally seen as controversial both in the theory of criminal law and in law enforcement. Debatable issues of criminal liability for involving minors in extremist activity remain relevant and cause even more difficulties in law enforcement.

The ways of involving minors in extremist crimes are constantly improved, they are supported by functional capabilities of the Internet, which results in difficulties concerning not only extremist crime prevention but also the qualification of crimes within criminal law.

We characterize current problems of criminal legislation and law enforcement within the context of counteraction to extremist activity as well as the danger of involving minors in extremist activity.

Keywords: *extremism; counteraction to extremist activity; Internet; social networks; administrative prejudice; minors; involvement.*

А.В. Травников

ВОПРОСЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ

Александр Владимирович Травников – начальник Санкт-Петербургского университета МВД России, генерал-лейтенант полиции, г. Санкт-Петербург; **e-mail: travnikov1973@gmail.com.**

Уголовно-правовая регламентация криминальных экстремистских проявлений традиционно вызывает много сложностей как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике. Спорные вопросы уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение экстремистских деяний не теряют своей актуальности и порождают еще большие сложности в правоприменительной деятельности.

Схемы вовлечения несовершеннолетних в совершение экстремистских преступлений постоянно совершенствуется, а для ее непрерывного существования используются все возможности Интернета, что порождает сложности не только выявления и предупреждения этих преступлений, но и уголовно-правовой оценки содеянного.

В работе дана характеристика современных проблем уголовного законодательства и правоприменительной практики в контексте противодействия экстремизму, а также опасности вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность.

Ключевые слова: *экстремизм; противодействие экстремистской деятельности; Интернет; социальные сети; административная преюдиция; несовершеннолетние; вовлечение.*

Необходимость повышенного уровня защищенности отдельных благ требует от законодателя установления уголовно-правовых запретов, направленных на пресечение умножения и распространения опасной деятельности субъектов. Значительный антисоциальный потенциал одних лиц, передаваемый путем вовлечения в совершение противоправных или антисоциальных действий другими лицами, нарушает не только общественные отношения по охране интересов несовершеннолетних, безопасности общества и государства, но и представляет собой вектор развития преступности в будущем.

История доказывает, что как только здоровое общество отказывается от детей, они сразу становятся интересны криминалу. Охрана несовершеннолетних от их криминальной активности под воздействием взрослых – это вопрос будущего страны. Поэтому качество нормативного материала и практика применения должны быть логичны, последовательны, единообразны. Учитывая существующие негативные тенденции социальной действительности, вопросы вовлечения подростков в преступную или антиобщественную деятельность приобретают новую траекторию развития. Достаточно привести примеры вовлечения детей в несанкционированные митинги, организованные посредством распространения призывов через молодежные сервисы, такие как TikTok и др.

Отметим, что значительный антисоциальный потенциал одних лиц, передаваемый путем вовлечения в совершение противоправных или антисоциальных действий другими лицами, нарушает не только общественные отношения по охране интересов несовершеннолетних, безопасности общества и государства, но и представляет собой вектор развития преступности в будущем.

Одной из основных задач наказания является исправление осужденного, однако применительно к несовершеннолетним его нельзя растягивать во времени в связи с тем, что начало возраста уголовной ответственности совпадает с процессом ста-

новления несовершеннолетнего как личности, с его социализацией, обретением места в жизни общества. Посему, будет выглядеть нецелесообразным продолжительное протекание этого этапа, ведь несовершеннолетнему, освободившемуся из мест лишения свободы и пытающемуся вернуться в общественную жизнь после длительной изоляции, будет очень сложно найти свое место в жизни, стать полноправным гражданином своей страны. Именно поэтому опасность вовлечения несовершеннолетних в совершение экстремистских преступлений наиболее велика.

Анализируя особенности указанной категории преступлений, следует отметить, что ее динамика в последнее десятилетие характеризуется весьма противоречивыми тенденциями. С 2010 по 2017 гг. наблюдался устойчивый рост числа зарегистрированных преступлений экстремистской направленности (в 2010 г. этот показатель составил 656, в 2011 г. – 622, в 2012 г. – 696, в 2013 г. – 896, в 2014 г. – 1034, в 2015 г. – 1329, в 2016 г. – 1450, в 2017 г. – 1521, в 2018 г. – 1265, в 2019 г. – 585 (-53,8%). В последние же два года количественные показатели экстремистских преступлений снова стали возрастать, причем в наступившем году – существенно (в 2020 г. – 833 (+42,4%), в январе–июле 2021 г. было зарегистрировано 687 преступлений экстремистской направленности (+31,1%). При этом, доля преступлений, совершенных несовершеннолетними, неуклонно возрастает – в текущем году уже +2,8%, (в 2019 г. – 3,9%, в 2020 г. – 3,7%) [11].

Что кроется за этими цифрами? Действительно ли экстремистская преступность начинает сокращаться? Или какие-либо новации уголовного закона или особенности правоприменительной практики так повлияли на статистическую картину преступного экстремизма?

«Отсутствие достаточных доказательств умысла на возбуждение вражды и ненависти, унижения человеческого достоинства по экстремистским мотивам явилось основанием для ошибочной след-

ственной и судебной практики». В результате Пленум Верховного Суда РФ вынужден был в 2018 г. внести ряд изменений в Постановление от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [1] (далее – Постановление № 11), в первую очередь, касающихся вопросов оценки экстремистских проявлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» [7, с. 24–25].

Пленум указал, что «сам факт репоста (размещения в сети изображения, аудиоили видеофайла, содержащего признаки возбуждения вражды и ненависти, унижения достоинства человека либо группы лиц) не является достаточным фактом для возбуждения уголовного дела по ст. 282 УК РФ».

В п. 6 Постановления № 11 Пленум привел перечень обстоятельств, которые следует оценить суду при решении вопроса о наличии состава преступления:

- форма и содержание размещенной информации, ее контекст;
- наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней;
- факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудиои/или видеофайлов, текста или изображения;
- содержание всей страницы данного лица;
- сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в том числе о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и пользовательской аудитории;
- данные о его личности (в частности, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности);
- объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений.

Во-первых, следует отметить отрица-

тельное отношение большей части научной общественности к составам с административной преюдицией [8, с. 119–120; 9, с. 65; 10, с. 100].

Во-вторых, мнение ведущих правоведов по вопросам применения административной преюдиции в уголовном судопроизводстве разделяют и судебные инстанции. Трактую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., отмечает Т.Н. Долгих, «Европейский Суд по правам человека исходит из того, что ст. 4 Протокола № 7 к указанной Конвенции должна толковаться как запрещающая преследование или предание суду за второе «преступление», если они (первое и второе) вытекают из идентичных фактов или фактов, которые в значительной степени являются теми же» [6, с. 26].

С тех же позиций следует оценивать и разъяснения Конституционного Суда РФ о том, что фактические обстоятельства, установленные вступившими в законную силу судебными актами по делам об административных правонарушениях, сами по себе не определяют выводы суда о виновности лица, в отношении которого они были вынесены, в совершении преступления с административной преюдицией, которая должна устанавливаться судом в предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедурах на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при рассмотрении дел о совершенных этим лицом административных правонарушения [2].

И, в-третьих, привлечение к уголовной ответственности за более опасное поведение также будет требовать административной преюдиции. Административная преюдиция должна будет предшествовать уголовной ответственности по делам, когда деяние не представляет серьезной опасности для основ конституционного строя и безопасности государства, так и в противоположных случаях.

Приведем следующий пример. «В 2014 г. Г. был признан виновным в том числе по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 282 УК РФ. Осужденный, являясь членом "Партии исламского освобождения", которая решением Верховного Суда РФ признана тер-

рористической организацией и чья деятельность на территории РФ запрещена, используя персональный компьютер с целью публичного распространения националистических, политических и религиозных идей, направленных на возбуждение ненависти, вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признаку отношения к религии, разместил в социальной сети "ВКонтакте" информацию пропагандистского характера, обосновывающую необходимость геноцида, массовых беспорядков, вражды, а также применения насилия в отношении представителей иных религий» [3].

Учитывая квалификацию действий Г. судом, сегодня содеянное им нельзя признать преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, т.к. ранее он не привлекался к административной ответственности за аналогичное правонарушение.

Немаловажным представляется вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности за покушение на преступление с административной преюдицией. Представляется, что стадия покушения в таких случаях признаваться в деянии не может. В ситуациях, когда лицо после его привлечения к административной ответственности за указанное в УК РФ административное правонарушение не доводит до конца по независящим от него обстоятельствам аналогичное правонарушение, состав преступления отсутствует, поскольку в соответствии с законом не доведенное до конца административное правонарушение таковым не является.

На наш взгляд, прав В.И. Гладких, полагая, что «введение административной преюдиции в большинстве случаев существенно снижает превентивный потенциал уголовно-правовых норм, а разгрузка судебно-следственной системы не должна достигаться ценой безопасности граждан» [5, с. 184].

Таким образом, всё вышеизложенное ставит под сомнение правильность осуществленного реформирования ст. 282 УК РФ. Возможно, следовало бы ограничиться последними изменениями, произведенными Пленумом Верховного Суда РФ в отношении Постановления № 11. Однако

следует отметить, что Верховный Суд не может и не должен корректировать изъяны закона – это является обязанностью законодателя.

Проведенное исследование показало, что в настоящее время как в теории, так и в следственной и судебной практике имеются существенные трудности в процессе квалификации экстремистских проявлений, особенно в ситуациях обнаружения таковых в виртуальном пространстве, в первую очередь, в социальных сетях. Законодатель и Верховный Суд РФ, пытаясь «помочь» правоприменителю, соответственно, корректируют закон или толкуют его положения, устанавливая определенные ориентиры. Однако такие попытки нельзя однозначно оценить как положительные.

С одной стороны, следует положительно расценить последние разъяснения, данные Верховным Судом РФ в 2018 г. в Постановлении № 11 в отношении экстремистских преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве. Эти разъяснения были направлены на то, чтобы исключить формальный подход к квалификации таковых – теперь, в соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ оценить совокупность определенных обстоятельств и лишь после этого сделать вывод о преступности или не преступности содеянного, при этом существенное значение следует уделять выявлению наличия экстремистского мотива. С другой стороны, специфика виртуального экстремизма весьма велика, что заставляет задуматься о необходимости введения специальной нормы в УК РФ, которая регламентировала бы указанную разновидность проявлений преступного экстремизма.

Также двойственно можно расценить и реформу ст. 282 УК РФ, произведенную законодателем, который превратил ее в норму с административной преюдицией. С одной стороны, поставлен барьер на привлечение к уголовной ответственности за совершение экстремистских действий, не обладающих повышенной общественной опасностью. Однако, с другой стороны, и это более важно, такое решение законодателя не способствует противодей-

ствию гораздо более опасным проявлениям экстремизма, что вряд ли можно оценить положительно.

В литературе можно встретить предложения по признанию действий в форме пропаганды преступного образа жизни, «романтики» преступного мира публичным путем подготовки к преступному образу жизни несовершеннолетнего в качестве составляющей объективной стороны ст. 150 УК РФ. При всей привлекательности такого подхода согласиться с этим нельзя, т.к. вовлечение представляет собой адресное, целенаправленное воздействие, хотя тенденции к установлению уголовной ответственности за приобщение несовершеннолетних к преступной субкультуре прослеживаются. Так, Верховный Суд РФ признал АУЕ (Арестантский уклад един) молодежным движением экстремистской направленности. В настоящее время количество административных исков прокуратуры о запрете распространения информации АУЕ достаточно много. При удовлетворении таких исков суды указывают, что сайты содержат информацию, «пропагандирующую противоправное поведение, распространяющуюся в молодежной субкультуре, ориентированной на внедрение в повседневную жизнь стиля общения и «законов» криминального мира. Информация распространяет идеологию неформального молодёжного криминализованного движения АУЕ («Арестантское единство» либо «Арестантский уклад един»). Однако среди общественности решение высшей судебной инстанции, послужившей поводом к обращению надзорной инстанции о признании распространяемой информации незаконной, было встречено скептически, а в ряде случаев крайне негативно. Критики отмечают, что АУЕ – это субкультура, но не деятельность, тем более экстремистская, по существу организацией не является, признаки элементов АУЕ имели место и советский период и не вызывали каких-либо опасений со стороны власти, данное решение суда фактически определяется государством «что хорошо и что плохо, особенно по части молодежи».

Любые не поощряемые властями движения автоматически радикализируются и становятся условно оппозиционными. Таким образом, правоприменительная практика пошла не по пути расширения понимания термина «вовлечение» в ст. 150 УК РФ при «рекламировании» преступной жизни несовершеннолетним, а по совершенно неожиданному пути – признании таких действий экстремистскими с последующим привлечением по ст. 282 УК РФ, что вряд ли оправдано.

Наконец, обратимся к вопросу о вовлечении в совершение данных преступлений несовершеннолетних. Можно отметить, что с развитием коммуникаций несовершеннолетние настоящего поколения реже участвуют в реальных социальных группах, меньше взаимодействуют со сверстниками вне школы. С одной стороны, они проводят больше времени дома, с другой, более замкнуты и наивны. И все это показывает роль взрослых в формировании общественно-опасного поведения несовершеннолетнего. С одной стороны, родитель или опекун может иметь значительное воздействие на ребёнка, там самым используя это для склонения его к преступлению. Незнакомым ребёнку лицам легче попасть в доверие к нему, поскольку у него нет опыта общения, они не могут распознать ложь. Таким образом, очень многое зависит от взрослых в механизме совершения преступления ребёнком.

Преступлениям, совершаемым по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, относят преступления, в основе которых лежит неприязнь к лицам, принадлежащим к иной этнической, религиозной или социальной группе либо к лицам иных идеологических или политических взглядов, следует уделять особое внимание, т.к. именно подростки склонны к самым радикальным решениям возникающих проблем и имеют тенденцию к делению поступков на «хорошие» и «плохие», окрашиванию ситуации лишь в два цвета – «черный» и «бе-

лый».

Столь крайним суждениям подростков способствует и технический прогресс в сфере коммуникаций, который имеет ещё один фактор, детерминирующий данный вид преступлений, а значит и актуализирующий эту тему. Через средства коммуникации можно анонимно связываться с несовершеннолетними в целях склонения их к совершению противоправных деяний. Во-первых, Интернет – огромный ресурс обмена информацией, в том числе и в рассматриваемом аспекте, во-вторых, преступления, совершаемые таким образом, сложно раскрыть [4, с. 122–123].

Наконец, отсутствие возможности привлечения лиц, в возрасте 14–15 лет к уголовной ответственности за ряд уголовных преступлений: участие в банде; контрабанду, сбыт наркотиков, истязание и т.д., не говоря уже о таких преступлениях, как хищение предметов, имеющих особую ценность; преступления в сфере компьютерной информации и т.д. способствуют формированию у несовершеннолетних чувства безнаказанности, что не только создаёт условия для совершения преступлений подростками с собственной мотивацией, но также побуждают взрослых преступников привлекать подростков к совершению в качестве исполнителей именно тех преступлений, за которые для несовершеннолетнего уголовной ответственности нет.

Термин «вовлечение», используемый законодателем при конструировании отдельных составов преступлений, давно является предметом дискуссии в научной литературе, однако единого подхода к пониманию его сущности, объективных и субъективных признаков не выработано, т.к. вовлечение в нормы закона имеет различное по объёму содержание, а в практике приобретает оценочное свойство, приводящее к разновекторному толкованию при расследовании конкретного уголовного дела.

Кроме того, признак вовлечения в преступную деятельность других лиц в последнее время все в большей мере получает уголовно-правовую значимость.

Так, с момента введения в действие УК РФ в нем было предусмотрено всего 4 состава преступления, оперирующих термином «вовлечение». Это вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции (ч. 2 ст. 242 УК РФ). Позже законодатель ужесточил ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу (ч. 4 ст. 150 УК РФ в ФЗ № 211-ФЗ от 24.07.2007 г.), уточнил ситуацию, когда вовлечение несовершеннолетнего в антисоциальную деятельность не является преступным (примечание к ст. 150 в ФЗ № 162-ФЗ от 08.12.2003 г.).

Впрочем, ч. 4 ст. 150 УК РФ предусматривает повышенную уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение экстремистских преступлений: «Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», однако, на наш взгляд, этого явно недостаточно. Следует перевести рассматриваемое преступление в категорию особо тяжких, разумеется, путем усиления санкции.

Следует учитывать, что появление у несовершеннолетнего экстремистской мотивации может отразиться на его мировоззрении на всю жизнь, а сформировавшиеся радикальные взгляды определяют дальнейшее поведение человека, не желающего, да уже и не способного жить по законам общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8. URL: <https://www.vsrif.ru/doc->

uments/newsletters/1810/ (дата обращения: 15.09.2021).

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

3. Приговор Нижневартовского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 30 апреля 2014 г. по делу № 1-314/2014 // Нижневартовский городской суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: [сайт]. URL: <https://vartovgor-hmao.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

4. *Ахмедов А.Г., Бозиев Т.О.* Вопросы контроля за виртуальными экстремистскими группами и участниками различных субкультур // Новеллы права, экономики и управления – 2019: сб. науч. трудов по материалам V Международ. науч.-практ. конф. В 2-х т. Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2020. Т. 1. С. 122–129.

5. *Гладких В.И.* О превентивном значении норм уголовного закона: комментарий к законопроекту о декриминализации ряда преступлений небольшой и средней тяжести // Преступность, уголовная поли-

тика, закон. М., 2016. С. 184–185.

6. *Долгих Т.Н.* Оценка судом постановления о назначении административного наказания при рассмотрении уголовного дела по статье, предусматривающей административную преюдицию // Уголовное право. 2018. № 2. С. 25–31.

7. *Зателепин О.К., Борисов С.В.* Новые позиции Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Уголовный процесс. 2018. № 11. С. 24–33.

8. *Кибальник А.Г.* Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 119–125.

9. *Лопашенко Н.А.* Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64–71.

10. *Махягов З.З.* Об административной преюдиции в уголовном законодательстве // Общество и право. 2016. № 1. С. 100–102.

11. Официальный сайт Министерства внутренних дел в Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 19.09.2021).